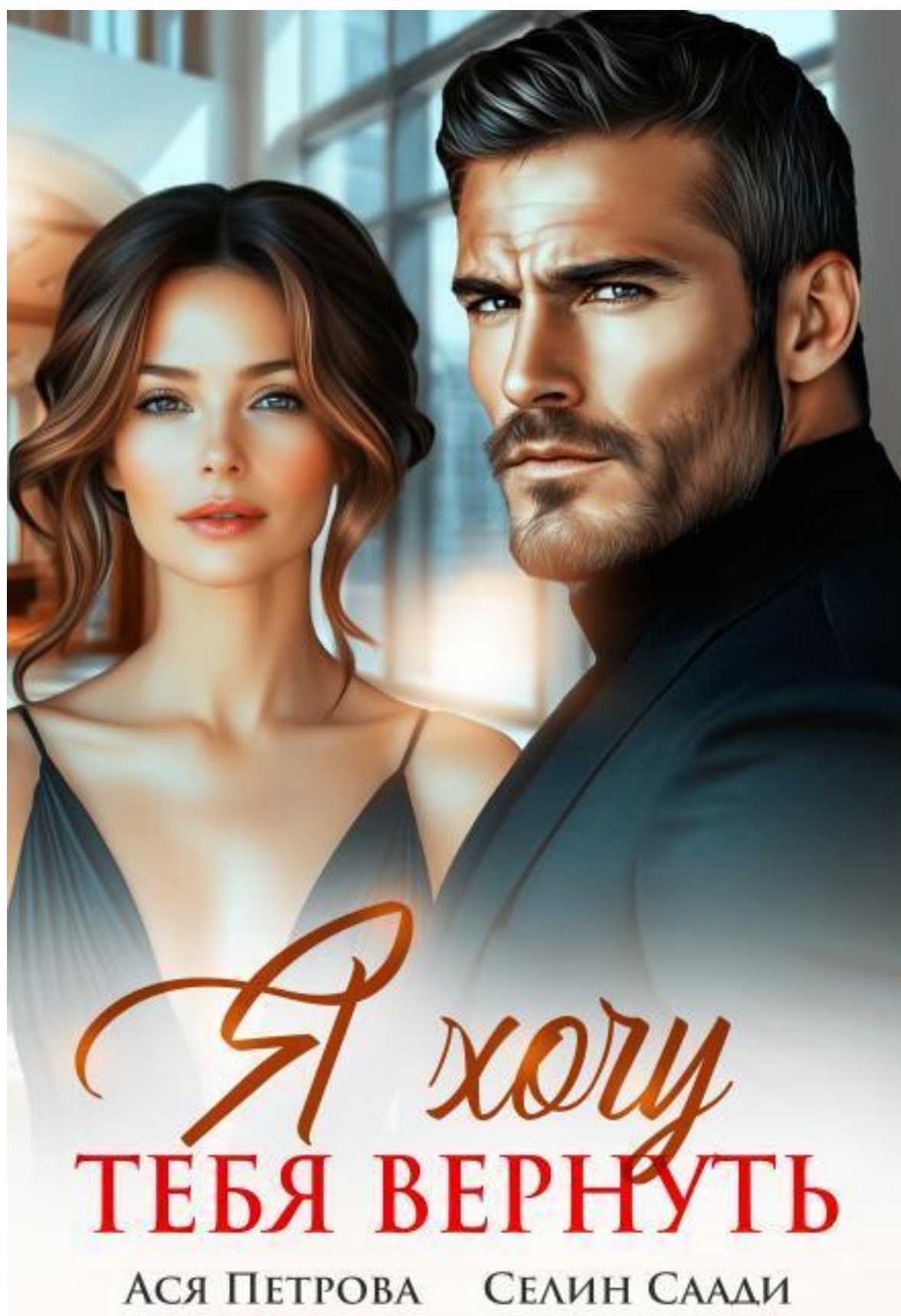

Ася Петрова

Я хочу тебя вернуть

«Литнет»

2025

Петрова А.

Я хочу тебя вернуть / А. Петрова — «Литнет», 2025

Я прошла через развод, в котором делили всё — бизнес, имущество и даже сына. Он хотел контролировать нас и после, но я поставила точку, не раскрыв ему свою тайну. Я думала, всё позади. Думала, он больше не вернётся. Однако бывшие не умеют уходить тихо. И вот он снова передо мной, требует всё переиграть по-своему. Но... теперь я умею играть. И на этот раз — у меня есть козырь. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения, эмоции на грани, обязательный ХЭГероев ругать можно, авторов нет)

© Петрова А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Настя	5
Глава 2. Настя	8
Глава 3. Настя	10
Глава 4. Настя	12
Глава 5. Егор	14
Глава 6. Настя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1. Настя

— Миша, я немного опаздываю... — озвучиваю в трубку, на ходу залезая в такси.

— Не переживай, ты же знаешь, такие сходы едва ли начинаются вовремя...

Мой партнёр и, по совместительству, хороший друг привычно успокаивает.

Сегодняшняя бизнес-конференция по инновациям крайне важна. Я хочу взять новый проект по разработке мобильных приложений. Это станет тем самым скачком, который необходим моей команде. И, безусловно, это позволит мыслить уже совершенно о иных доходах.

Я много сделала, чтобы оказаться сейчас там, где я есть. И, откровенно признаться, до последнего верила... если не в себя, то в мечту. Несмотря на то, что у меня её уже однажды бессовестно отобрали.

Однако гордо признаться хоть не получится, но всё же это не помешало собрать волю в кулак и вновь встать с колен. Пусть пока неуверенно и, мягко говоря, слишком неустойчиво.

Стараюсь не думать о плохих мыслях, потому что сегодня мне необходимо сразить наповал инвесторов и прочих гуру в IT-индустрии.

Именно по этой причине я потратила пару часов на выбор одежды и сборки. Положа руку на сердце, такого я себе не позволяла слишком давно.

Довольно строгое платье прямого кроя добавляет моей внешности некоего упрямства и элегантности, а чёрный цвет визуально вытянет фигуру. Ну и плюс, это то, что любят почти все программисты. Иными словами, лучше не выделяться.

Подобная шутка у нас ходит практически с самого начала. Где-то около пяти месяцев назад, когда мы появились как молодая и амбициозная команда. Да, мы, считай, зелёные новички. Впрочем, мой прошлый опыт играет здесь ключевую роль.

Пара каштановых прядей, оставленных у лица, развивается из-за открытого окна в машине. На заднем сидении иначе ездить не получается. Я же снова повторяю ту речь, которую себе готовила. Стараюсь даже не смотреть в заметки — главное идти по ключевым тезисам.

Миша тем временем шлёт мне фотографии с мероприятия, которое пока явно разогревают всяческими новшествами и множеством интерактивов. А я не реагирую на его шутки в виде приписок к фото, потому как уже испытываю лёгкий тремор.

Начистоту, я отчаянно боюсь упустить эту возможность. Это, наверное, срабатывает триггер на прошлое. Тогда я совершенно не боялась, считала, что ничего не может случиться. Да только вот случилось. В один миг я осталась одна с четырнадцатилетним подростком, которого отвоёвывала без прикрас всеми возможными способами. Считай, с пустым карманом, без намёка на стабильность и, в придачу, с убитым сердцем, которое с особым смаком размазывали по полу.

Но это в прошлом. Полгода назад, после нескольких кинжалов в грудь от «мужа», я бы ни за что не позарилась на такой масштаб. Но не теперь. Я снова в строю, и я готова забрать этот проект.

Подъезжаю к бизнес-центру я уже тогда, когда развлекательная часть подходит к концу, но оно, может, и к лучшему. Несмотря на то, что за идеи у нас отвечает Михаил, мои порой фронтанируют самым настоящим потоком, от которого не спрятаться и не убежать.

Со Смирновым, к счастью, мы знакомы достаточно давно. Ещё в недалёком прошлом он работал со мной и бывшим мужем. Правда, потом пути внезапно разошлись. И не наш с Михаилом путь, а та дорога с человеком, о котором я предпочитаю думать лишь как об отце нашего сына.

Я до сих пор не знаю, что произошло между мужчинами, да и, если откровенно, меня это не интересует. Миша не будет распространяться, пусть и может быть болтливым, а Ковалев

Егор сейчас существует лишь в свидетельстве о рождении моего ребёнка. Ну и в сообщениях мессенджера — о времени и датах встреч с сыном.

В остальном, этого человека я знать не хочу. Не говоря уже о том, чтобы видеть.

Выбегаю из такси, мгновенно преодолев несколько ступенек, и, когда оказываюсь в фойе, администратор без слов провожает меня к нужным дверям.

Огромное пространство оборудовано несколькими подиумами и гаджетами, демонстрирующими инновационные разработки. Всё в сине-голубых тонах — красиво, минималистично и по-современному. Люди в деловых костюмах и платьях снуют туда-сюда, а на их шеях карточки, которые позволяют находиться здесь.

Михаил замечает меня первым, и когда он уже двигается в мою сторону, я улыбаюсь ему и машу рукой.

— Настя, — тянет он, оставляя невесомый поцелуй в щёку.

Его проявления порой однозначно намекают не на дружбу. И я очень ценю его, потому что именно благодаря ему я не свалилась в депрессию. Он был рядом почти все это время после вскрывшейся правды о моём муже и сложного развода.

Но я сразу определила границу. Я не была заинтересована и не буду. Возможно, это и прозвучало тогда грубо. Но что скрывать, последнее, что меня заботило, когда родной душе человек беспринципно и нахально меня предал, — это чувства других людей.

— Ты невероятно выглядишь, — рассматривает мужчину моё платье, а я киваю с лёгкой улыбкой.

Принимаю комплимент, для женщины это всегда приятно. Даже если это не приведёт ни к чему, кроме сотрудничества по работе.

— Ещё не началось? — озираясь по сторонам в попытке разглядеть всё, спрашиваю я.

Смирнов отрицательно качает головой и как-то немного скованно, что ли, себя ведёт. Считаю это мгновенно. В плане работы мы взаимодействуем очень много, и именно это позволяет мне делать подобные выводы.

— Что-то случилось? — нахмуренно я спрашиваю.

Он знает, что я ненавижу сюрпризы. В любом их проявлении. Даже если это самая несбыточная мечта — лучше сообщить мне о её реализации. Но только не пытаться удивить. Возможно, я таким образом лишаю себя эмоций, но мой организм после всего слишком истощён на них.

Как бы я ни храбрилась, порой я рычу в подушку от того, насколько сильно сердце было изранено. И даже если мне кажется, что оно не кровоточит — полагаю, я лишь лгу сама себе.

Сильная личность — не всегда равно сухость в эмоциях. Порой, напротив, этих эмоций так много, что тебе приходится скрывать их перманентно. И каждый, кто видит в тебе лидера, а-ля управленца, считает, что ты просто патологически не способен на чувства и эмоции. И снова — это в корне неверно. Потому что внутри тебя разрывает на части от силы и того спектра, что ты на самом деле испытываешь.

Тебе отчаянно хочется плакать, но слёз нет, потому что ты сильный человек. Ты не можешь плакать, у тебя просто нет на это времени. А боль... боль ты потерпишь, потому что завтра определённо станет проще. Да и разве ты можешь себе позволить тонуть в жалости к себе? Нет.

Именно в таком режиме проходит моя жизнь последние полгода. И я не жалею — просто иногда мне, как и любому человеку, хочется остановиться и выдохнуть.

Правда, деньги сами себя не заработают, а траты только растут. Жильё у нас сейчас съёмное, а студию, которая досталась сыну после развода, мы сдаём. К тому же запросы парня, который мнит себя уже взрослым, иногда заставляют натурально испытывать мини-инфаркт. Только моё «нет» его не останавливает, потому что тогда он смело звонит отцу.

— Идём туда? — Миша отрицательно качает головой, не отвечая на мой вопрос, и берёт мою руку, поддевая её под свой локоть: — Как ты, готова? — спрашивает он участливо.

Глубоко вздыхаю, раздумывая над ответом.

— Как всегда, — усмехаюсь, а он аккуратно поглаживает мою кисть: — Тремор только немного, — признаюсь всё же, поджимая пальцы и прекращая этот интимный жест.

Не сказать, что мне противно. Просто излишние касания... они вызывают жестокое отвращение. Уповаю на то, что это пройдёт спустя ещё некоторое время. Ну а пока — как есть.

— Ты справишься, — уверенно заявляет Михаил. — Я в этом не сомневаюсь. К тому же, там претенденты такие... — он кривит лицо, хотя знает, что я не люблю, когда он обсуждает кого-либо или навешивает ярлыки.

Мы это уже проходили, когда взяли прошлый проект. Не такой масштабный, как этот. Качаю головой, прекрасно давая понять о своей реакции. Он же виновато опускает взгляд.

Да, мы партнёры, но владельцем и основателем являюсь я. А благодаря бывшему мужу, я научилась отстаивать свои границы, и это условие первым было озвучено Мише.

— Всё время забываю о твоей принципиальности, — отшучивается он.

Наконец, мы останавливаемся рядом с выстроенными в ряд стульями.

— Ты хочешь чего-нибудь? Может тебе присесть? Чтобы не давать нагрузку.

Киваю, потому что не отказалась бы от кофе.

Особенно, когда сейчас давление нестабильно, постоянно скачет. А кофе спасает.

В последнее время, конечно, слишком много его пью. Надо бы уменьшить количество чашек в день, только бывает, даже и на перекус времени не найти, что тоже крайне плохо. Хватаешь кофе — и бежишь дальше. Удача, если булочка или круассан, взятые в комбо с напитком, не стали экспонатом музея в машине.

— Буду благодарна за чашку американо, — озвучиваю я Мише, — Пока постою, ноги еще не отекли, слава богу.

Он кивает, отвечая, что можно было бы не спрашивать о напитке, и удаляется.

Я же беру несколько буклетов с соседнего стула и просматриваю их. Всё получится. У меня обязательно всё получится. Повторяю как мантру, пока вдруг не ощущаю какой-то холодок по спине.

Ощущение, что вдоль неё ползёт нечто склизкое, неприятное и холодное. Отрываю глаза от буклета и пытаюсь рассмотреть, что же вызвало подобную реакцию. Медленно обвожу пространство любопытным взглядом. А когда поворачиваю голову вправо, сердце в груди резко замедляется.
Каждый его удар — как тяжёлый звон, предвещающий беду. Он будто становится всё громче, надрывая собственные барабанные перепонки. Часть буклетов падает из рук, пока я наблюдаю до боли знакомую причину подобной реакции собственного тела.

Дорогие наши, если вам понравилась история, оцените звездами, пожалуйста ## ## ##

*Давайте наберем 300 звезд #, и мы выложим сразу третью главу)
 Нам будет очень приятно ##*

Глава 2. Настя

Я не сразу понимаю, что это действительно он.

Глаза, которые я так хорошо знаю. Движения — как будто смотришь старую запись, в которой каждое движение предсказуемо, до боли родное и оттого опасное. Сердце дергается как на спусковом крючке. Только вместо выстрела — пустота. Или, наоборот, слишком много всего. Одновременно.

Он стоит у одного из стендов. Кофе в руке, взгляд скользит по экрану, на котором кто-то презентует интерфейс новой платформы. Его привычная серьезность, нахмуренный лоб. Даже не оглядывается. Не знает, что я рядом. Или делает вид, что не знает.

Миша возвращается, протягивает мне кофе, и, судя по его лицу, знает.

— Почему ты не сказал? — голос у меня спокойный, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. Я даже не уточняю, о ком речь. Он понимает.

— Я не был уверен, что он точно будет, — выдыхает Миша. — Хотел, чтобы ты спокойно выступила. Без перегруза.

Я киваю. Логично. Но легче не становится.

Он здесь. Мой бывший муж. Тот, кто сначала выбил из-под меня землю, а потом ещё и уверил, что я не смогу идти дальше.

— Что ему здесь надо?

— Думаешь, я в курсе? — Миша делает глоток из своего стакана и смотрит на меня: — Но скажу одно — он следил за твоей работой. Может, не напрямую, но был в курсе, что ты будешь здесь.

Значит, знал. Не случайность. Пришел. Зачем?

Я отворачиваюсь. Делаю вид, что просто рассматриваю брошюру. Но пальцы уже не держат её крепко. Внутри снова поднимается та волна, от которой тошнит — смесь боли, обиды и чего-то ещё, чего я сама боюсь назвать.

Миша, чувствуя мой настрой, замолкает. И, как ни странно, этим самым помогает. Иногда молчание спасает больше любых слов.

— Пойду в туалет, — говорю я и ухожу прежде, чем он успевает ответить.

В зеркале я смотрю на себя и будто вижу другую женщину. Ту, что отчаянно пыталась собрать себя из осколков год назад. Усталая, но с выпрямленной спиной. Я не позволю себе дрогнуть. Не сейчас.

Телефон вибрирует в кармане. Сообщение. Арсений. «Мам, мне можно сегодня остаться у Тимки с ночёвкой?» Быстро отвечаю, что да, и думаю, как много всего я упускаю в жизни сына. Работа, переживания, попытки выжить в этой взрослой мясорубке — и вот он уже не мальчик. Сам решает. Сам живёт.

А я всё ещё замираю от одного взгляда Егора.

Возвращаюсь в зал, но в его сторону даже не смотрю. Будто его не существует. Хотя чувствую кожей — он заметил. Он знает, что я его видела.

Выступление начинается.

Я слушаю вполуха. Всё внимание — на предстоящем выступлении нашей команды. Через полчаса мы будем презентовать идею нашего нового приложения — систему внутреннего геймифицированного учета для фитнес-клубов. Простая, удобная и перспективная.

Миша выступает первым. Он хорошо держится. Я наблюдаю за ним и чувствую, как успокаиваюсь. Всё идёт по плану.

Пока не замечаю, что кто-то подходит и садится в конце ряда. Я знаю, кто это, даже не оборачиваясь.

Когда наступает моя очередь — сердце всё равно делает предательский скачок. Но я иду к сцене, как к бойцовскому рингу. Я не проиграю. Ни инвесторам, ни ему. Ни себе.

Я говорю о проектах, о трудностях команды, о будущем рынка. Слышу, как где-то на последних словах дрожит голос — и тут же беру себя в руки. Если я позволю себе дрогнуть здесь, на публике, я проиграю. Я сильная. У меня есть команда. У меня есть план. У меня есть я.

Когда заканчиваю, в зале аплодируют. Не бурно, но достаточно, чтобы я поняла — нас заметили.

Возвращаюсь на место и сразу чувствую — он идёт ко мне.

— Ты неплохо держалась, но стоит ещё позаниматься с коучем. Видно, что ты в ораторском искусстве — новичок.

— Благодарю за совет, но по правилам этики их раздают, когда о них спрашивают. Вроде я не просила тебя давать оценку моему выступлению. То, что у нас есть общий ребёнок, не обязывает тебя общаться со мной. Это лишнее, Егор.

— Вся такая сдержанная и колкая на язык. Стерва из тебя отменная, Настюш. Жаль, в браке ты сразу не продемонстрировала, на что способна. Знаешь, четырнадцать лет — большой срок, чтобы играть такую роль. Может, нужно было не в бизнес идти, а в актёрство? Лукавить не буду — талант у тебя есть.

Он давит. Он всегда так делает!

Пытается задеть побольнее. Ударить туда, где живого места уже не осталось.

Он мстит, но я не знаю — за что. Ведь я любила его, заботилась, была всегда рядом. Та женщина, что стоит за спиной мужчины, положив ему руку на плечо.

Я была ею. Я восхищалась своим мужем, потому что он — умный человек, достигший высот, выгрызший себе место под солнцем. Я знаю, каким он может быть...

Но тот Егор, который сейчас ведёт открытую войну со мной, — это не мой бывший муж. Его как будто подменили. Клянусь.

Мой бы никогда не опустился до язвительных комментариев. Впрочем, видимо, не только я прятала свой актёрский талант.

— Сеньку сегодня вечером заберу?

— Ого, ты сам спрашиваешь про сына. Я думала, получу очередное смс от твоих помощников. Сегодня он у друга ночует.

— Вот как? — Ковалёв складывает руки на груди, пристально смотрит, — А не часто ли наш ребёнок стал ночевать вне дома? Тенденция так себе...

— Егор, послушай, если ты вбил себе в голову ненавидеть меня — делай это тихо, пожалуйста. Во-первых, мы в разводе, твои упреки лишние. Во-вторых, Сеня переживает наш развод, если ты не заметил. Я не вправе ему сейчас что-то запрещать.

— А в-третьих?

— А в-третьих, я не вижу смысла нашего разговора. Больше похоже на игру "кто кого заденет больше". Мне это не нужно. У меня на носу проект, который важен...

Он резко меня перебивает, как лезвием по горлу:

— Проект, который ты не получишь, Насть. Ты молодец, стараешься, но ты не акула бизнеса, а малёк. Тебя легко сожрать. Бюджет слишком большой для таких рисков.

— Не тебе решать...

— Не мне. Но моё слово важно в кругах. Так что можешь забыть о проекте. И передай своему верному псу, — с хищной улыбкой кивает на Михаила, — что он стелется слишком гладко. Уже ножки можно об него вытирать.

Глава 3. Настя

Глубоко вдыхаю носом воздух и поворачиваюсь к нему с вежливой улыбкой.

— А тебя не касается, об кого я вытираю свои ножки, Ковалев, — тяну я в ответ. — Уж явно не тебе следить за ними.

Он усмехается, и я вижу, как шурит взгляд.

— Продолжай. Мне нравится русло этого разговора, — как и всегда хочет оставить слово за собой.

Но, увы и ах. Именно он научил действовать иначе. Наклоняюсь к нему ближе, незаметно забирая свою сумочку.

— Жаль только, что мне не нравится, — встаю со стула, намереваясь покинуть его компанию.

Да, маска идеальная. Только внутри всё исполосовано. Будто на мне на живую проводят операцию. Ещё и не одну. То ли жжение, то ли резкая боль, но ты чувствуешь этот разрыв тканей. Как будто анестезия не сработала, а хирург в этот момент тебя натурально режет.

Не успеваю сделать шаг, как его обжигающе горячая ладонь захватывает мою кисть. Резкий рывок — и вот я в моменте уже оказываюсь прижата к его телу. По телу ползет страх, но я умело его прячу. Его рука крепко давит на поясницу как бы толкая ближе к себе, а пронзительно серые глаза всматриваются в моё лицо.

Собственное дыхание сбивается, но я скрываю это за попыткой оттолкнуть его. Толкаю кулаком в мощную грудь, но он в ответ лишь ухмыляется.

— Как всегда лжёшь сама себе, Настя, — хрипит он.

Эта самонадеянность... вмиг навеивает воспоминания о разводе. О том, как он себя вёл, как был уверен в том, что и ребёнок, и бизнес останутся с ним.

— А ты, как обычно, слишком самоуверен, Егор. Отпусти меня, — смотрю в его глаза, не сдаваясь.

Раньше бы я проиграла битву. Да что уж, я, возможно, даже не достала бы оружие.

Я ведь любила этого человека. Всегда. Даже когда он был неправ и упорно считал иначе. Когда хотел сделать по-своему, и я давала эту возможность, а потом он приходил и принимал мою точку зрения. Когда злился и дистанцировался от нас с сыном. Его стальной характер казался чем-то невероятно сильным. Он восхищал своей стойкостью, непреклонностью, принципами...

Но только не теперь. Той, воодушевлённой своим мужчиной, женщины больше нет. Он грязно и подло уничтожил её. И уже никто не способен её воскресить.

— Совсем неприятно? — удивлённо вскидывает он брови, будто насмехаясь надо мной. — Неужели объятия твоего пса доставляют больше удовольствия? — его вторая рука ложится на поясницу, а я яростнее давлю на его грудную клетку.

Нужна дистанция, чтобы тщательно оберегать то, что у меня есть.

— Ковалев...

Не успеваю договорить, как он с присущим ему хамством перебивает.

— Он ведь наверняка любитель понежнее, да?!

Несмотря на нахальное выражение лица, его ненависть ко мне отчётливо проскальзывает желваками на скулах, сцепленной челюстью и сверкающими глазами. Он бросает вызов. Я знаю. Стандартное поведение, на которое раньше моей управой была любовь и ласка.

На что же сейчас надеется?! Сейчас ведь не осталось ничего. Мы поделили всё, что могли и он считает, что выиграл ту битву. Пусть так и остается.

— Ты сюда лишь за этой информацией приехал?! — под стать ему отвечаю, щуя взгляд.
— Разочарую тебя — ответа ты не получишь. Последний раз говорю — отпусти меня. Охрана мероприятия недалеко, или хочешь опозориться, ещё не сказав своё важное слово?!

Он приподнимает уголок губ, вскидывая и бровь, но только ответить не успевает.

— Настя! — слышу напряжённый голос Михаила. — Ковалев, руки убери! Или ты забыл, что ты бывший муж?!

Интонация Миши меняется мгновенно, становясь похожей на манеру Ковалева.

— А ты, стало быть, мечтаешь стать будущим?! — тянет Егор в ответ, тем не менее, убирая наконец свои чёртовы руки.

Поправляю платье, будто он его запачкал. А на деле — хочу избавиться от этого зуда в местах его касаний. Миша тут же делает шаг ко мне. Благодарна ему за всё, но сейчас это лишнее. Сейчас — война его надменного взгляда против гордых моих глаз, и вокруг мы не видим больше ничего.

— Не смей мешать мне, — наконец выдаю я тихо и предостерегающе.

Так, как раньше не говорила с ним. Так, как никогда бы не хотела по собственному желанию этого. Но он сделал свой выбор. После четырнадцати лет брака с присущим ему высокомерием бездушно обратил нас во врагов. Не осталось и тени от той семьи на фотографиях, что спрятаны где-то в кладовке, а сын отчётливо знает и понимает, насколько всё загажено и испорчено между нами.

— Угрозы, милая, — не твоё кредо, — ухмыляется он напоследок, театрально поклонившись перед тем, как исчезнуть с моих глаз.

Глава 4. Настя

Меня еще слегка трясет от его касаний — до такой степени синьны эмоции к бывшему мужу. Благо, эмоции эти не из разряда светлых, а вываренные из злости, пропитанные ненавистью до последней капли.

Михал спокойно едет по почти пустой трассе, мягко покачивая машину, лишь изредка кидая в мою сторону короткие, но внимательные взгляды. Я прекрасно понимаю, о чём говорил Ковалев, я вижу все эти знаки внимания от Миши: лёгкие прикосновения, чуть дольше, чем положено, паузы в разговоре, тепло в голосе. Но я ещё не оправилась. Год — ничтожно мало, когда шрамы еще кровоточат.

Крест на себе я не ставлю — я умная, красивая и уже успешная. Просто чуть помятая, но не сломанная. Уверена: долго в девках ходить не придется. Я себе это время даю — не в долг, не в кредит. На правах хозяйки своей жизни.

— Мам, — голос у Сеньки не такой громкий, как обычно, и от этого в груди все сжимается, — ты только не паникуй... Тебе нужно приехать в полицейский участок. Нас с Тимом забрали.

Мне кажется, или я слышу, как хрустит корпус моего айфона от того, как сильно я его сжимаю. Резко откидываю голову назад, будто хочу вытолкнуть из себя это известие, и с глухим стуком ударяюсь затылком об подголовник. Боль отзывается в висках.

Губы сжимаются в тонкую линию. Напряжение — мгновенно. Оно будто врывается в салон машины, как чёрная грозовая туча, наливается тяжестью и начинает давить на грудь.

— Мам, ты слышишь? Мне дали тебе позвонить на минуту. Участок номер восемь.

— Арсений... — я почти автоматически начинаю ругаться, но вовремя прикусываю язык.

У него сейчас сложный период. Слишком сложный для его возраста. Он до сих пор не переварил наш с Егором развод. И, честно говоря, кто бы переварил, если всё выглядело безупречно? Мы были идеальной семьёй с правильными, фундаментальными ценностями. Были. Это слово теперь навсегда клеймо на том, что казалось вечным.

Сначала Арсений метался между мной и отцом, искал, где его берег. Потом Егор начал грязную игру, вытягивая сына к себе, перетягивая канаты один за другим. Я отбивалась — в прямом смысле, с боями, с потерями.

Финал был простой и болезненный: я отдала ему долю в общем бизнесе, вышла из учредителей — так он позволил сыну остаться со мной. Только перед этим прошелся по мне, как бульдозер по мятой жестянке. Кости хрустели. До сих пор тошно, когда вспоминаю.

— Я еду. — коротко отвечаю и сбрасываю.

Я понимаю, что пора перестать быть мягкой. Пора быть родителем, а не только другом. Но эта вина... Она висит, как камень на шее. Тяжелая, навязанная, непрошенная. Я не знаю, откуда она — из общества, из головы, от матери, от самой себя? Только избавиться от нее не выходит.

Я не могу его нормально наказать. Не могу жестко отреагировать на очередную выходку, потому что сразу же слышу внутренний голос: *«Это ты виновата. Ты разбила семью.»*

И с Егором уже не обсудишь — мы друг у друга в черных списках. Конец был настолько грязным, что даже общение ради ребенка стало невозможным. Его помощник — единственный посредник. И это унижительно.

Я хотела бы быть сильной, мудрой, уметь прощать. Хотела бы не делать глупостей. Но жизнь — она не про идеальные инструкции. Здесь ни одно правило не работает, всё с изъёмами, как товар с витрины уценки.

— Миш, можем поменять маршрут и поехать к восьмому полицейскому участку, пожалуйста?

— Что он натворил? Насть, может, нужно уже как-то поостороже с ним.

Есть одна вещь, которую я не перевариваю ни от кого — советы, как воспитывать моего сына. Хоть ты друг, хоть президент.
 Я знаю свои ошибки. Я с ними просыпаюсь, с ними засыпаю. Если вы думаете, что я просто мамашка, потакающая избалованному сыну, — вы ошибаетесь.

Меня многое раздражает в его поведении. Я часто краснею из-за него, часто сжимаю кулаки, чтобы не накричать. Но за всем этим что-то есть. Что-то глубже — протест, боль, страх.

И пока я не докопалась до сути, не разложила всё по полочкам, не могу вот так, воспитательными методами, потерять его. Я слишком его люблю. И он — всё, что у меня есть.

— Миш, я благодарю тебя за поддержку, правда. Но давай я как-то сама решу этот вопрос. Можешь меня высадить здесь, я такси вызову.

— Стерва ты, — с легкой улыбкой кидает мой друг, — но этим и цепляешь. Понял, Насть. Больше не лезу. Но если вдруг нужен будет мой совет...

— Я обязательно обращусь.

Мы довольно быстро доезжаем до нужного участка. Я выхожу, разминая затекшую шею, пальцами прохожусь по ней, будто пытаюсь согнать напряжение.

Иду к входу быстрым, решительным шагом, взгляд сосредоточен только на двери. Я не вижу и не слышу ничего, пока за спиной не раздастся мерзкое, колкое, едкое:

— Ну что, Настёна, наш сын пошёл по стопам твоего отца, да?

Это — запрещённый приём. Низкий, подлый удар под дых.
 И он попал. Прямо в сердце.

Глава 5. Егор

Всю дорогу с чёртовой конференции не даёт покоя. Столько месяцев не видел — и на тебе. Даже не стесняется своего этого упыря. И не видит, что ли, какой он?!

Ведь всё это время только и ждал возможности, ублюдок...

Снова завожусь. Как чёртов мотор. Тарахчу на весь салон. И нет, мать его, сил успокоить нерв, что бушует внутри.

Раздражает. Выводит из себя эта её уверенность. Ещё ведь и язвит — научилась быть сукой. Что ж, это на пользу... местами. Только надо бы выбирать, с кем можно так говорить, а с кем — нет.
Я ведь могу и снова за Сеню пободаться — она наверняка прекрасно помнит те баталии.

Сворачиваю в сторону дома и разгоняю машину. Немного отвлекусь. Забыть ту женщину, которая испортила мне жизнь и одновременно, чёрт возьми, подарила лучшее время.

Разве может быть столько противоречий?!

Однако играть в бедную Настю у неё, ох, как хорошо получается — вспомнить только наши суды. Эти слёзы, как, чёрт возьми, по заказу.

Четырнадцать лет брака, четырнадцать!

А она всё это время и настоящей, блядь, не была.

Хруст шейных позвонков раздаётся оглушительным в гробовой тишине салона, а я, пытаюсь унять пульс, всё сильнее давя на тапку. Может, хоть это поможет остыть.

Завёлся не на шутку. Видел, как Смирнов её поддерживал, обхаживал, всё помогал подниматься, спуститься. Джентльмен херов.

Но ничего — с проектом этой парочке «твикс» придётся поднапрячься. Я уж гарантирую. Уже с организатором тендера обсудили — пятьдесят процентов, что моим будет контракт.

Остаётся презентовать своё видение, совпавшее с заказчиком — и вуаля. Моя милая бывшая жена со своим верным каблуком — в пролёте.

В держателе вдруг вспыхивает экран телефона, пока я уже смакую этот момент их фиаско. И не потому что хочу мести, а потому что, элементарно, они завалят столь масштабное мероприятие, а это отразится на их маленькой зелёной команде. Надо бы поднабрать очков и репутации, а дальше уже и браться. Но нет — она, как заведённая, торкается эти полгода повсюду. Берёт всё: от ерунды до более-менее интересных проектов. Будто хочет доказать, что без меня способна. Что возродится как предприниматель.

Усмехаюсь мыслям, глядя на незнакомый номер на экране телефона.

— Кто это?!

— Ковалёв Егор Александрович?

— Кто его спрашивает? — с раздражением повторяю.

— Это отдел Министерства внутренних дел по Москве и Московской области. Участок номер восемь. Участковый Грицаев Иван Артёмович вас беспокоит.

Притормаживаю, нахмутив брови. Но в голове уже мысль сама собой выстроилась.

— По поводу?

— Ковалёв Арсений Егор... — на секунду прикрываю глаза и шумно выдыхаю.

— Куда подъехать? — перебиваю мужика и уже ищу глазами ближайший съезд.

Он озвучивает адрес, а я гоню на ещё большей скорости. Арсений переходит все границы, и самое тупиковое, что я не имею представления, что делать.

Разговоры — были. Крики — были. Чёрт, ограничения тоже были. Осталось только что розгами его покрыть, но это, понятно, из разряда фантастики. Просто-напросто мы не справляемся. Ни я, ни она.
В голове простреливает, что она наверняка там тоже будет — и это будоражит похлеще новостей о сыне в полицейском участке.

Снова набираю скорость, чтобы быстрее добраться. А когда, наконец, торможу спустя двадцать девять минут, то, войдя, вижу её.

— Ну что, Настёна, наш сын пошёл по стопам твоего отца?!

Это не заготовка из фраз — это само собой вылетает. Вижу, как напрягается её спина, и замечаю, что она даже поправилась в отношениях с этим упырем.

Всегда ведь блюла за фигурой. А тут такая сильная любовь, что наплевать?!
Сжимаю кулаки и пытаюсь расслабиться.

— Сделай одолжение, позови своего адвоката и избавь меня от своего общества, — наконец, шипит она.

В яблочко попал. Травма твоя, милая, знаю. И снова совесть просыпается, но я гашу её порывы. Однако достаточно этих двух секунд, чтобы разозлиться на самого себя.

— Впредь все вопросы мы будем решать лично, Настенька, — заявляю я ей с довольной усмешкой.

Глава 6. Настя

Лучшее средство — игнор. Бесполезно тратить дыхание, если он всё равно слышит только самого себя. Ни аргументов, ни пауз, только гул его внутреннего «я», такой громкий, что на других просто не остаётся места.

Ну зачем говорить, если каждое слово отскакивает, как от стены? Так важно быть правым, да? Так важно забить победный гол в споре, даже если игра давно окончена.

Отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи. Не всерьёз. Просто с досадой, чтобы перестал жужжать у уха. Первая захожу в участок, быстрым шагом, не оборачиваясь. Протягиваю паспорт через узкое окно дежурному, бросая взгляд мимо него, вглубь коридора.

Фамилию поменять до сих пор не успела, всё ещё Ковалева. Эта Ковалева, которая теперь будто призрак. В документах она — я, а по ощущениям — чужая.

Следом появляется Егор, и к моему паспорту в аккурат ложится его корка. Полицейский даже не моргает — выдает один пропуск на двоих.

Один. На. Двоих. Как будто мы — единое целое. Как будто всё ещё мы.

Стискиваю зубы так, что где-то в челюсти тянет ломотой. И кажется, вот ещё чуть-чуть, и крошки эмали посыплются на язык. Скрежет слышен даже мне. Звук собственной злости.

— Мужчина, а вы куда? — вдруг звучит из-за спины.

Дежурный даже приподнимается, когда Миша, как ни в чём не бывало, пытается пройти через турникет. Без документа. С наглой уверенностью, будто этот участок — его второй дом.

Разумеется, турникет мигает красным крестом. Не пускает.

— Паспорт забыл. Права подойдут? — Миша говорит легко, беззаботно, будто это шутка на завтрак.

— Вы к кому? — дежурный не улыбается.

Полицейский повторяет вопрос уже с заметным раздражением. Видно, что мы нарушили его уютный микромир, где всё текло медленно и размеренно: стол, чай, крошки хлеба на краю — вот они, всё ещё лежат, как доказательство того, что минуту назад его главной заботой была булочка с маслом.

— Он со мной, можно? — спокойно спрашиваю, хотя внутри всё вибрирует на грани нервного срыва.

— Не положено. Родителей вызывали, пропуск я вам дал, — отрезает он и сердито плюхается обратно в кресло. Стул даже поскрипывает под ним, как будто тоже недоволен.

Он складывает руки на груди и надувает щёки, готовый сейчас запыхтеть. Я ничего не имею против мужчин с лишним весом, но всё же вопрос, чисто академический: как они там ГТО сдают? Или у них справка? Или замеры делают по духу, а не по телу?

Ладно. Не моё дело.

Отправляю Мише короткую, извиняющуюся улыбку и складываю руки в жест, скорее мольбы, чем объяснения. Оставайся тут.

Мы с Егором двигаемся по длинному коридору. Свет глухой, лампы мигают, как подыгрывая нашему настроению. Тишина давит, но не настолько, чтобы Ковалев не попытался испортить её своей язвительностью:

— Не пропустили твоего благоверного, Настюш. А знаешь, он Сеньке отцом не станет. Никогда. Потому что отец у него один. Я.

Усмехаюсь. Горько, но без злобы. Оборачиваюсь через плечо, ловя его взгляд:

— Миша и не претендует. Не бойся, папаша.

Специально. Нарочно. Знаю, как его передёргивает от этого слова.

И в следующую секунду буквально ощущаю, как в спину ударяет горячий воздух. Он выдыхает резко, тяжело, будто дракон, у которого внезапно отказали тормоза.

В кабинете нас уже ждёт Грицаев Иван Артёмович. Солидный, спокойный, как будто сам когда-то прокручивал такое кино в своей юности. Пропускает нас внутрь, протягивает бланки, вводит в курс дела:

— Ваш сын с другом украли два электросамоката. После чего на них въехали в машину. Пострадавший написал заявление. Вот, можете ознакомиться.

Протягивает лист, аккуратный, со сдержанным гневом в каждом слове.

Я хватаю бумагу, хотя руки предательски дрожат.

Сенька...

Что ты творишь, сынок? Мы тебя не так учили. Мы старались. Мы верили, что в тебе больше, чем просто подростковый бунт. Это уже не шалость.

Егор присвистывает. Тихо, но выразительно. Я вижу, как он склоняется ближе, замечает марку машины, и его брови ползут вверх. Порше. Каен.

Конечно.

Сенька же не мог просто въехать в какой-нибудь унылый седан. Надо было влететь в иномарку, у которой фары стоят как две мои зарплаты.

— Детали для этой модели сейчас дефицит, — обмолвляется Егор, всё ещё глядя на бумагу. — Ремонт обойдется в тысяч триста минимум.

У меня внутри всё опускается. Желудок, сердце, уверенность в завтрашнем дне. Трижды влететь в долговую яму, и это только за этот год.

Да, Сенька. Это уже не просто бунт. Это ты с мачете врубаешься в наш общий корабль. И у меня нет спасательных кругов.

— Я выдам вам предупреждение, сына можете забирать. Нужно будет оплатить штраф, дальше уже в досудебном порядке покрыть ущерб. И за угон самокатов тоже предполагается штраф.

— Спасибо, — встаю со стула, поправляя платье. Пока сидела, даже не заметила, как плотно оно облегло мой, пускай и небольшой, но всё же уже приличный живот.

Когда я была беременна Сенькой, живот тоже был небольшой. А сейчас совсем крохотный. В первое время было много переживаний, но врач уверила, что всё в пределах нормы. Плод развивается, и патологий не выявлено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.